

Стахеев Дмитрий Иванович

Собрание сочинений

Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Собрание сочинений: Том 6 / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 262 с.

ISBN 978-5-519-75377-7

ISBN 978-5-519-75377-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

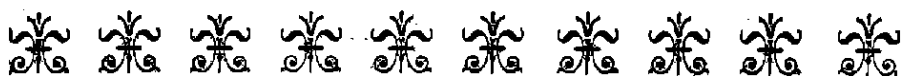
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НА ЗАКАТЪ

РОМАНЪ

I.

Зимній вечеръ. Дворянинъ Петръ Оедоровичъ Поярковъ только-что возвратился изъ сосѣдняго губернскаго города въ свою родовую усадьбу «Красныя Горки» и, окруженный семьей, сидѣлъ въ столовой за стаканомъ чаю. Въ каминѣ весело трещалъ огонь, лампа, висѣвшая надъ большимъ обѣденнымъ столомъ, ярко освѣщала бѣлую скатерть, самоваръ и чайную посуду, оставляя въ мягкомъ полусвѣтѣ лица сидѣвшихъ вокругъ стола. Кругомъ было такъ уютно, тепло; самоваръ пѣлъ старинную пѣсенку, и со стѣнъ комнаты, едва выступая въ ея полусвѣтѣ изъ потускнѣвшихъ золоченыхъ рамъ, молчаливо смотрѣли на семейную группу портреты дѣдовъ и бабушекъ стариннаго рода Поярковыхъ.

Но миръ и покой, царившіе, казалось, въ комнатѣ, и тихая пѣсня самовара нисколько не согласовались съ общимъ настроеніемъ лицъ, сидѣвшихъ вокругъ стола. Всѣ были какъ-то не по себѣ и въ особенности самъ Петръ Оедоровичъ. Онъ былъ еще красенъ отъ дороги и часто прикладывалъ руку къ вискамъ, ссылаясь на головную боль, но немедленно вслѣдъ за каждымъ такимъ движеніемъ добавлялъ: «нѣтъ, это ничего еще... такъ, немного...» и старался почему-то поддерживать разговоръ, точно скрывая какія-то свои тайныя думы. Мать его, Вѣра Антоновна, низенькая и сгорбленная, но еще довольно бодрая старушка, въ рюшевомъ чепцѣ и съ неизмѣннымъ визаньемъ въ мор-

щинистыхъ рукахъ, каждый разъ при жалобахъ сына на головную боль, пытливо взглядывала на него чрезъ очки и углублялась потомъ въ свою работу. Супруга Петра Федоровича, Глафира Александровна, статная и довольно полная дама лѣтъ за сорокъ, не обращала никакого вниманія ни на жалобы мужа, ни на его почти для всѣхъ замѣтное, хотя и скрываемое, состояніе духа и разспрашивала о своихъ родныхъ и знакомыхъ, съ которыми видѣлся Петръ Федоровичъ въ губернскомъ городѣ.

— Жили, жили, у всѣхъ перебывали, а домой ни слова,—замѣтила, наконецъ, она, съ пренебреженіемъ смотря на мужа.

Онъ промолчалъ и углубился въ пытливое разсматриваніе кончика своей дымившейся сигары.

— Я спрашиваю васъ, отчего вы не написали, Петръ Федоровичъ, когда, какъ говорите, въ первый же день приѣзда узнали, что дѣло затягивается?

— Да все какъ-то день за день откладывалъ,—нехотя отвѣтилъ онъ.

— Хотя бы строчку. мой другъ! Уѣхалъ на три дня, а прожилъ двѣ недѣли!—тономъ упрека замѣтила мать и, вздохнувъ, замолчала.

— Неисправимъ!—подказала Глафира Александровна.

Она говорила густымъ, почти мужскимъ голосомъ и надменно относилась къ мужу, явно имъ недовольная.

Дочери, Анюта и Настя, обѣ невѣсты, изрѣдко тоже заговаривали съ отцомъ, спрашивая о своихъ институтскихъ подругахъ, и этими разспросами облегчали его неловкое положеніе. Онъ поспѣшно оставлялъ сигару, даже какъ будто нѣсколько оживлялся, отвѣчая имъ, но потомъ опять теръ себѣ лобъ и виски, жалуюсь на головную боль.

— Идешь бы, мой другъ, если въ самомъ дѣлѣ тебѣ тяжело,—замѣтила старушка мать.

— Нѣтъ, ничего, счѣге ташаю, немного.. Это пройдетъ.

— Ахъ, шатап, не тревожьтесь, — недовольнымъ тономъ перебила Глафира Александровна: — что ему сдѣлается, помилуйте!

Она пожала плечами и отвернулась отъ Петра Ѳеодоровича, но не надолго, всего какихъ-нибудь на пять на шесть секундъ, и потомъ снова обратилась къ нему съ разспросами.

Пока Петръ Ѳеодоровичъ давалъ болѣе или менѣе уклончивые отвѣты женѣ на ея вопросы, сынъ его, Анатолій Петровичъ, все время молча сидѣлъ около стола и мрачно на всѣхъ косился. Анатолій былъ молодой человѣкъ, только достигнувшій совершеннолѣтія, хмурый и всегда чѣмъ-то недовольный. Одѣтъ онъ былъ неряшливо — въ старенькомъ какомъ-то пальтишкѣ и въ высокихъ сапогахъ, волосы, какъ видно, имѣлъ привычку расчесывать только по праздникамъ, да и то не гребенкой, а при помощи собственныхъ пальцевъ — вообще представлялъ совершенную противоположность отцу, всегда франтовато одѣтому. Сидя теперь въ столовой, онъ съ ожесточеніемъ курилъ одну за другой папирсы и бросалъ искоса взгляды въ ту сторону, гдѣ горѣлъ каминъ. Яркій свѣтъ камина, блестящимъ пятномъ отражавшійся на паркетномъ полу комнаты, какъ будто сердилъ Анатоля, такъ мрачно онъ по временамъ на него взглядывалъ.

— Ну-съ, мнѣ пора на покой... Голова что-то въ самомъ дѣлѣ... такъ что-то очень... — сказала Петръ Ѳеодоровичъ, поднимаясь со стула.

— Однако-же, Петръ Ѳеодоровичъ, — вдругъ перебила Глафира Александровна: — ты намъ ничего не сказалъ до сихъ поръ, когда же мы можемъ переѣхать въ городъ? Говоришь, дѣла улажены, а между тѣмъ о переѣздѣ ни слова.

— Гм-гм... — тревожно откашлялся Петръ Ѳеодоровичъ, — дѣла улажены и даже можно сказать окончательно... такъ пока маленькая задержка...

— Но когда же переѣдемъ? Помилуй! Неужели здѣсь всю зиму сидѣть? Этого еще не доставало!... Я

ни въ какомъ случаѣ на это не соглашусь и рѣшительно намъ заявляю, что это невозможно...

— Зачѣмъ же, зачѣмъ же такъ гнѣвно говорить?— поспѣшнѣе успокоить Петръ Федоровичъ,—зачѣмъ, и главное преждевременно? И же вамъ сказать, Глафира Александровна, что дѣла улажены и только такъ еще дней на пять на шесть задержка—не болѣе.

— А покупки?—пытливо спросила она.

— И покупки все сдѣланы... Все какъ слѣдуетъ.

— Все, что было означено въ запискѣ, да? Согласно образцамъ, да?—продолжала допрашивать Глафира Александровна и въ голосѣ ея хотя слышалось еще недовѣріе, но уже въ значительно меньшей степени.

— Все, все съ точностію и аккуратностію исполнено,—твердо повторилъ Петръ Федоровичъ.

— И бахрома и кружева, да?

— Да, да! Все куплено.

При этихъ послѣднихъ словахъ обѣ дочери посело переглянувшись въ пріятномъ сознаніи предстоящихъ удовольствій отъ нарядовъ; самъ Петръ Федоровичъ почему-то поспѣшнѣе закурилъ другую сигару, а Глафира Александровна окинула его пытливымъ взглядомъ.

— Сядьте, пожалуйста, Петръ Федоровичъ,—предложила она.

Но Петръ Федоровичъ отказался отъ этого предложенія и сталъ ходить по комнатѣ, останавливаясь то около зеркала, въ которомъ едва видно было его лицо, то около окна, гдѣ уже ровно ничего не было видно.

— Да, что вы, Петръ Федоровичъ, какъ отбѣчаете,—нетерпѣливо замѣтила, наконецъ, Глафира Александровна:—васъ серьезно спрашиваютъ, а вы задвигали одно: «да, да, все сдѣлано, все сдѣлано»... Рассказывайте какъ слѣдуетъ.

Старушка Вѣра Антоновна приподняла голову отъ работы; очки ея отъ этого движенія поползли съ края носа вверхъ и пыливый взглядъ остановился на сынѣ. Дочери тоже странно посмотрѣли на отца, какъ будто

тоже впадая въ сомнѣніе, дѣйствительно ли онъ съ полной точностію и аккуратностію сдѣлалъ всёъ сильно ихъ интересовавшія покупки. Но Петръ Федоровичъ, какъ видно, рѣшился до конца выдержать свою роль и отвѣчалъ на всёъ вопросы съ замѣчательной стойкостію.

Сыну, наконецъ, должно было надѣло сидѣть и молча и угрюмо сосать папиросы. Онъ поднялся отъ стола и рѣзко спросилъ:

— Ну, а мнѣ, папа, привезъ?

— Что такое?—почти испуганно спросилъ Петръ Федоровичъ, совсѣмъ уже неожиданный, что и сынъ тоже имѣетъ какіе-то къ нему вопросы.

— Какъ что?—пробасилъ сынъ,—я же тебя просилъ, когда ты поѣхалъ, купить мнѣ новое ружье... Неужели ты не купилъ?

— Ахъ, да!—успокоившись отвѣтилъ Петръ Федоровичъ,—ну,—братъ, ужъ за это извини... Ей-Богу, изъ головы вонъ! То, да другое—рѣшительно забыть. Извини. На дняхъ, какъ только переѣдемъ въ городъ, такъ я тотчасъ тебѣ его вышлю. Немедленно, съ первой же почтой.

— Мама,—шептала въ это время матери старшая дочь,—мама, гдѣ же, гдѣ же покупки?

Но Петръ Федоровичъ должно было чутко слѣдить за всѣми разговорами, и прежде чѣмъ Глазира Александровна успѣла повторить слова дочери, онъ предупредительно отвѣтилъ.

— Вещи всё отпращены съ почтой... да! Я не могъ взять съ собой; все, все съ почтой... Подождите дни два только...

— Какъ же это съ почтой, Петя?—удивленно спросила мать, медленно растягивая слова:—вѣдь это составитъ десятки пудовъ...

Нѣтъ, нѣтъ, шеге шамап, вы не такъ меня поняли,—успокоительно заговорилъ Петръ Федоровичъ,—я говорю только о нарядахъ... Бахрамы эти, кружевца тамъ, ну и прочее... Понимаете? Я говорю, что все это съ почтой—да...

— Какъ съ почтой?—изумилась Глафира Александровна,—это еще что за новости! Развѣ вы не могли привезти съ собой?

— Не могъ, Глафира Александровна, ну, ей-Богу же не могъ,—горячо и убѣдительнымъ тономъ заговорилъ Петръ Федоровичъ,—вы сами знаете, какія хлопоты прискивать по образчикамъ. Я былъ, кажется, въ десяти магазинахъ и не нашелъ. Чортъ знаетъ, что за магазины! Я, наконецъ, просто упалъ духомъ... Спасибо нашелся одинъ порядочный магазинъ, гдѣ любезно предложили принять на себя всѣ заботы подобрать все по образцамъ,—и на дняхъ же пришлютъ.

— И этого не могли сами сдѣлать!—презрительно возразила Глафира Александровна.

Петръ Федоровичъ какъ будто не слышалъ ея возраженія и, поспѣшно обратившись къ матери, продолжалъ:

— А все то, другое, папан, что для хозяйства, ну, это, конечно, пришлютъ на подводѣ. Скоро, скоро... Я думаю, что тоже не дольше какъ черезъ два дня. Разстояніе вѣдь здѣсь невелико, всего верстъ восемьдесятъ... Оно, конечно, можно бы и въ Малорѣченскѣ припасы всѣ закупить—здѣсь, конечно, близко; три-то версты разумѣется короче восьмидесяти... да вѣдь у здѣшнихъ купцовъ все въ три-дорога...

— Ахъ, пожалуйста, перестаньте говорить Богъ знаетъ что!—обиженно прервала Глафира Александровна:—какая тамъ разница—гроши какіе-то... А вы и того не могли сдѣлать, чтобы лично похлопотать о заказахъ!.. Боже мой, какой вы несносный, — и такъ всю жизнь!..

Съ этими словами Глафира Александровна рѣшительно поднялась со стула и, оправляя складки пышнаго платья, вышла изъ комнаты.

Анатолій мрачно посмотрѣлъ вслѣдъ ушедшей матери, потомъ покосился на отца и глухо сказалъ:

— А я ждалъ и надѣялся, что привезешь...

Отецъ въ отвѣтъ на это молча пожалъ плечами.

Сынъ тоже помолчалъ нѣсколько времени, потомъ порывисто всталъ изъ-за стола и, ни съ кѣмъ не прощаясь, пошелъ изъ комнаты.

— Чортъ знаетъ, что это такое,—рѣзко сказалъ онъ уже въ дверяхъ и сильно притворяя ихъ за собою.

Петръ Ѳедоровичъ пугливо посмотрѣлъ на мать, которая, казалось, не обратила никакого вниманія на рѣзкую выходку Анатоля, и тревожно зашагалъ по комнатѣ. Вслѣдъ за уходомъ сына, обѣ дочери поднялись отъ стола и, молча чмокнувъ отца и бабушку въ щеки, ушли изъ столовой. Въ комнатѣ остались только Петръ Ѳедоровичъ съ матерью.

Въ каминѣ догорали послѣдніе угольки, вспыхивая синеватыми огоньками. Старушка продолжала перебирать спицы своего вязанья; Петръ Ѳедоровичъ смотрѣлъ на угли камина, видимо отдыхая отъ недавней, замѣтно его беспокоившей бесѣды съ женой. Когда прислуга убрала со стола посуду, онъ точно опомнился и тревожнымъ взглядомъ окинулъ комнату, теперь только замѣтивъ, что неожиданно оказался съ глазу на глазъ съ матерью. Первою его заботою при этомъ открытіи было найти поскорѣе счастливый предлогъ отдѣлаться отъ разговоровъ съ нею.

— Ахъ, я и забылъ,—спохватился онъ:—уже поздно, а мнѣ еще нужно разобраться съ бумагами. Завтра необходимо пораньше въ Малорѣченскъ.

— Ну, что же? Какъ?—въ самомъ дѣлѣ уладилъ все, да?—тихо спросила старушка.

Да, маман... то-есть почти-что улажено... Пожалуйста, не тревожьтесь... Мнѣ пора: уже одиннадцатъ... Удивительно, какъ скоро время проходитъ!.. Доброй ночи, маман!..

Старушка подняла глаза отъ вязанья, взглянула на сына и не сказала ни слова, только покачала головой. Петръ Ѳедоровичъ нѣсколько смутился отъ этого безмолвнаго упрека и хотѣлъ сказать что-то успокаивающее, но мать прервала его на первомъ-же словѣ.

— Иди, иди... Вижу, что ты не по себѣ... И нечего рассказывать. Знаю... все равно бесполезно... Иди!..

— Вы думаете чѣго шапан, я что-нибудь скрываю?—Ничуть, ей-Богу! Вотъ увидите... А что я разстроены немного, это дѣйствительно. Главное, нездоровится. Ужасно голова болить... Это разумѣется съ дороги.

— Иди... къ чему все это?

Она проводила его долгимъ задумчивымъ взглядомъ и не разъ вздохнула, съ грустію смотря на ту дверь, за которою онъ скрылся, уходя въ свой кабинетъ.

II.

Въ эту ночь въ кабинетѣ Петра Федоровича огонь горѣлъ далеко за полночь. Оставшись одинъ, онъ думалъ отдохнуть отъ той тяжелой роли, которую ему въ продолженіи цѣлаго вечера пришлось играть среди своей семьи. Но этотъ отдыхъ продолжался недолго. Правда, все-таки съ полчаса прошло со времени его прихода изъ столовой и онъ разъ десятокъ вздохнулъ глубокимъ полнымъ вздохомъ, какъ-бы облегчая себя отъ тяжести, камнемъ лежавшей на сердцѣ. И въ то время, когда онъ только-что отдался весь своимъ мрачнымъ думамъ и сталъ шагать изъ угла въ уголъ по коврамъ кабинета, безсознательно смотря на ихъ узоры, вдругъ до слуха его долетѣлъ страшный звукъ изъ сосѣднихъ комнатъ. Петръ Федоровичъ остановился и прислушался; кругомъ была полная тишина. Ему показалось, что гдѣ-то тамъ въ дальнихъ комнатахъ щелкнулъ ключъ дверного замка, и мрачное предчувствіе охватило его. Жена, непременно жена идетъ, подумалъ онъ, а ея-то именно ему не хотѣлось теперь видѣть. Не успѣлъ онъ въ достаточной степени оправиться отъ своего мрачнаго вида, какъ послышались въ залѣ шаги, и Глафира Александровна вошла въ кабинетъ. Молча поставивъ свѣчу на столикъ около ди-